

неніе закона“.—Іоаннъ выразилъ ту же мысль, сказавъ: „Пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ“.

Любовь эта не есть ни естественная привязанность къ роднымъ и близкимъ, ни сентиментальное чувство. Эта любовь—чистое, просвѣтленное, сознательное убѣжденіе, божественный источникъ того образа дѣйствій, который вдохновенно и внезапно внушаетъ человѣку дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ исключенія—какъ добрымъ, такъ и злымъ; эта любовь дѣйствуетъ независимо отъ внѣшнихъ вліяній и, такъ какъ она по природѣ своей не себялюбива, то не смущается ни достоинствами, ни недостатками предмета любви своей. Она не спрашиваетъ: любишь ли меня? дѣлаешь ли добро мнѣ? цѣнишь ли мои достоинства? будешь ли меня благословлять, или, быть-можетъ, станешь ненавидѣть меня, будешь оскорблять, проклинать и осуждать?

Любятъ ли, ненавидятъ ли, благословляютъ ли, проклинаютъ ли, творятъ ли добро или неправду и зло другіе люди, любовь говоритъ свое: „Буду творить правду, буду любить. Буду благословлять,—не обижу даже самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ,—буду побуждать зло добромъ“. И потому доброта-любовь не взвѣшивается и не измѣряется добротой другихъ, но всегда находитъ сама въ себѣ поводъ, силу и награду.

Иисусъ, въ которомъ высшее выраженіе этой святой любви, найдя древній законъ: возлюби ближняго своего, какъ самого себя,—извлекъ его, покрытаго ржавчиною времени и помраченнаго людскимъ непониманіемъ, изъ ковчега завѣта Моисея и сдѣлалъ его свѣточемъ божественнаго ученія своего.

Истина заключалась въ этой заповѣди, но люди не умѣли выдѣлить ея изъ массы Моисеевыхъ постановленій, а тѣмъ менѣе умѣли они понять ея совершенство.